

Святослав Горелов

Ночной гул

16+

Святослав Горелов

Ночной гул

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Горелов С.

Ночной гул / С. Горелов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Тихий осенний вечер. Близится полночь. Обычная новостройка в спальном районе крупного города. Несколько сотен жильцов, собравшиеся лечь спать, чтобы утром вновь проснуться и начать новый день. И в этот момент где-то в стенах домах слышится странный гул, который нарастает с каждой минутой, раздражая и сводя с ума соседей. Никто из них не может понять, что именно гудит. Возможно, проще выйти на улицу и не слышать эти ужасающие звуки, пока кто-нибудь не разберется в источнике звука. Но дом, оказавшийся во власти неизвестного гула, уже никого не выпустит из своих кирпичных стен. Теперь для его жителей начинается самая интересная часть ночи.

Только ангел темной ночи
Свечет к ложу моему, -
Я замру, вперяя очи
В неразгаданную тьму
Мирра Лохвицкая

Время 22:55

Эрик

Эрик (да, у него такое именно такое имя, редкостью и непривычностью которого он гордится) приезжает с работы всегда в одно и то же время – в промежутке между половиной одиннадцатого вечера и непосредственно одиннадцатью часами.

Неизменно это время, неизменна и усталость, с которой Эрик возвращается домой. Дома его безразлично ждет телевизор с вечерним юмористическим шоу, полупустой холодильник, и теплый чай. Иногда можно выпить и кофе, тем более от него он все равно с легкостью сразу уснет. Кофе не дает ему бодрствовать ночью, кофе не позволяет и полноценно проснуться утром, когда он залпом выпивает целую кружку, пытаясь стряхнуть ночную дрему.

Эрик не любит свою работу, но другой работы у него, увы, нет. Как в принципе нет и другой жизни, кроме все той же докучливой работы и квартиры, в которой он коротает свое свободное время.

Именно Эрик последним из всех 220 жителей этого дома приезжает в эту ночь домой.

Механические ворота закрываются за его машиной, и больше не откроются уже никогда. Даже когда спустя семь часов сюда с шумом приедут спасатели, а затем и пожарные, скорая помощь, полиция, их не смогут открыть. МЧС придется разрезать створки, чтобы машины спасательных служб смогли проехать в двор, заставленный припаркованными кое-как машинами. Несколько машин спасатели повредят, когда будут проезжать по узкой дороге к подъездам, но всем на это будет наплевать. В том числе их хозяевам, которые уж точно больше никогда в них не сядут и не поедут куда глаза глядят.

Никто так и не поймет, почему именно ворота не захотели мистическим образом открываться. То ли это было просто так, что-то вроде простого следствия или даже совпадения, то ли в этом был какой-то чересчур сакральный смысл замкнутого закрытого пространства дома, который в одночасье решил покончить со своими жильцами.

Если это конечно был дом, а некто или нечто другое.

В этом пока есть сомнения.

Эрик ставит машину на единственное место, освобожденное каким-то спасенным счастливым, который успел выехать из дома в этот вечер, и блаженно закрывает глаза.

Он дома.

И впереди есть как минимум восемь с половиной часов, которые позволят ему немного отдохнуть перед следующим рабочим днем. Долгим нескончаемым рабочим днем. Для Эрика он начинается в десять часов утра, а заканчивается в десять часов вечера, после чего отводится примерно полчаса на дорогу домой. К счастью, в этот поздний час никаких пробок на улицах огромного мегаполиса давно нет, разве каких-нибудь два идиота не устроят аварию посреди улицы, парализовав движение целого квартала и будут нескончаемо припираться, обвиняя друг друга.

Эрик работает в распределительном центре крупной торговой сети. Центр находится за городом, недалеко от пафосного коттеджного поселка и вертолетной станции МЧС. О том, что все вокруг скоро столкнутся со спасателями лицом к лицу, мертвым к живому, Эрик не подозревает. Сейчас он думает только о том, как в десятитысячный раз поднимется в лифте на свой счастливый тринадцатый этаж, посмотрит телевизор, перекусит чего-нибудь из пустеющего холодильника (там целая полка готова для мышиных виселиц) и ляжет спать. Может

быть соседи из сто тридцатой квартиры опять устроят скандал и даже что-то разобьют в бешеном припадке семейной ссоры. Это станет для него маленьким ночным развлечением. После юмористического шоу на телевидении, конечно.

Для Эрика это абсолютно обычный вечер рабочей недели.

Он закрывает глаза и решает немного отдохнуть после дороги.

Несколько снежинок опускаются на лобовое стекло и тут же тают. Конец октября выдался в этот раз холодным, и вот-вот всю землю должно было замести снегом. Однако, вряд ли Эрик это увидит.

22:57

Место действия – дом

Местом действия трагической ночной драмы является жилой дом. Это новостройка в одном из спальных районов города, ничем не отличающаяся от сотен других, построенных и до сих пор активно строящихся в разных кварталах мегаполиса. В нем три подъезда и сорок четыре этажей. Когда спасатели прибудут на место, первым делом они почему-то войдут именно в третий подъезд. Возможно, потому что возле него будет лежать тело одного из пострадавших, которому, правда, никакие спасатели, по крайней мере на этом свете, уже не будут нужны.

В каждом подъезде дома установлено два лифта, которые в эту ночь и остаток вечера никого не поднимут и не спустят, во всяком случае в живом состоянии. Для трех человек лифты станут настоящим гробом. В принципе, лифты всегда в этом доме работали не так как надо, собирали десятки жалоб, их постоянно чинили, и усталый мастер из финской компании производителя просто не знал, что еще можно сделать с этими неуправляемыми машинами. Спустя три месяца после того, как дом (или все-таки нечто в доме) перебьет всех несчастных жителей вместе с лифтами, этот мастер выбросится из окна другой новостройки. Но трагедия в этом четырнадцатизэтажном доме будет не при чем. Он покончит с собой из-за банальной несчастной любви. О трагедии и лифтах-убийцах он даже не узнает. А ведь один из этих лифтов когда-нибудь вполне мог убить и его.

Возле дома расположена довольно большая парковка, рассчитанная ровно на сто машин. Она всегда забита до отказа и некоторым приходится ставить авто вторым рядом, оставляя телефон, чтобы «зажатый» автомобиль мог вызвонить владельца и выехать.

Парковка, как и вся территория дома вместе с холлами подъездом, детской площадкой и лифтами, находится под видеонаблюдением. На первом этаже сидит один единственный охранник-суточник, который смотрит за всем происходящим, демонстрируемом ему на широком мониторе. Однако изображение с камер видеонаблюдения не так его привлекает, как происходящее на экране небольшого телевизора рядом на столе. Изображение из кабины лифта или одинокого холла подъезда с безликими почтовыми ящиками всегда проигрывает в сравнении с очередным детективным сериалом, или хоккейным матчем. Охранник любит смотреть такое кино – оно хорошо его отвлекает от текущей скукоты быстротечно бессмысленной жизни.

В эту ночь именно охранник будет последним погибшим. До этого он станет безмолвным наблюдателем происходящего и ничего не сможет сделать. Даже позвонить.

Дом, ставший местом действия трагедии, построен из кирпича и выкрашен в гармоничный белый цвет. Для истории это мало имеет значение, но внешне новостройка очень красива, и никто никогда бы не подумал, что в ней могло произойти такое.

И, наконец, прямо напротив дома стоит старый пятиэтажный дом, на глазах жителей которого пару лет назад вырыли котлован и буквально за год, быстро и тяп-ляп, возвели эту громадину. Жители пятиэтажки почти коллективно завидуют жильцам нового дома, потому что прекрасно понимают – жить в новостройке гораздо лучше и престижнее, чем в гниющей с каждым годом хрущевке, внутри которой точно нет ни лифтов, ни видеонаблюдения, а крыша того и гляди рухнет.

У этого дома есть свой собственный чат в мессенджере, где его жильцы обсуждают все насущные проблемы дома и достают своими глупыми вопросами председателя. В этом чате все и началось. Его сообщения фактически станут для полиции и спасателей единственной историей, которая поможет хотя бы немного понять, что произошло, как бы фантастично это не выглядело со стороны.

А выглядело это действительно очень фантастично.

22:59

Чат жильцов дома

@Вишенка 8-902-210-****

Соседи, время одиннадцать часов, может это уже не совсем нормальное время для игры на гитаре?

@Антон 8-910-345-****

Кто-нибудь знает, что за странный гул между восьмым и девятым этажом? Низкочастотный, словно кондиционер или вентилятор работает. Дети не могут уснуть.

@Зая 8-905-803****

Пятый этаж тоже слышим

@Ворон24 8-912-346-****

Я тоже вроде что-то слышал

@Светлана 8-902-870-****

Ужас, полдома уснуть не может! Нужно найти и понять у кого это...

@Ворон24 8-912-346-****

Будто перфоратором работают

@Арман 8-985-632-****

А если бы вы жили на первом этаже, что вы говорили бы?????)

@Светлана 8-902-870-****

Причем тут первый этаж? К чему вы опять про свой первый этаж?

@Константин 8-902-456-****

Машина видимо стирает у кого-то. В резонанс попала...

@Оксана Яковлева 8-904-274-****

И правда сильно гудит, что это может быть?

@Председатель 8-912-041-***

Нет, гул равномерный. Это точно не стиральная машина.

@Одиночка 8-953-266-****

Господи, даже на третьем этаже слышно, как гудит. И весьма сильно!

@Екатерина 8-922-601-****

Мне кажется, гудит часов с семи-восьми...

@Арман 8-985-632-****
А что это тогда интересно?

@Константин 8-902-456-****
Вентилятор может быть

@Председатель 8-912-041-***
Скорей всего или кондиционер даже.

@Евгения 8-950-370-****
Люди давайте по делу писать! Двенадцатый час ночи, а вы здесь переписку устроили!

@Константин 8-902-456-****
Кто хочет, тот и читает. Мешает – отключите звук в чате и никаких проблем.

Проблем действительно никаких и минут десять в чат никто не пишет.

23:15

Арина, девушка с седьмого этажа.

Арине очень нравится свой этаж. Как сказала бы ее мама – это самая настоящая пристань спокойствия и надежды на беззаботное времяпровождение.

Спокойной пристань была исключительно из-за одного обстоятельства, о котором Арина долго не имела никакого представления. Между тем в этом была первопричина всего.

Арина – единственный житель... прошу прощения... единственная жительница седьмого этажа. На каждом этаже расположено по четыре квартиры – студия, однокомнатная, двухкомнатная, трехкомнатная.

Иначе говоря:

Студия – прибежище эгоистов и одиночек.

Однокомнатная – пристанище одиночек и молодых пар, скорей всего недолговечных и склонных к быстрому разрыву отношений.

Двухкомнатная – место жительства солидных одиночек, эгоистов и тех, кто активно ищет свое счастье в этой жизни. Сюда же идут чуть более стойкие пары с надеждой долгой или даже вечной семейной жизни. Другими словами – которые будут жить долго и (иногда или постоянно) счастливо и умрут в один (или почти в один) день.

Трехкомнатная – обитель шумных семей с вечно кричащими детьми и, зачастую, историческим приложением в виде пожилого родственника в дальней комнате.

Арина обладательница студии.

Типичная эгоистка и совсем не одиночка. Стремящаяся сразу к переходу на уровень двухкомнатных квартир. Главное, найти опору семьи, с которым действительно хотелось бы прожить долго, счастливо и далее по тексту. И Арина очень большой промежуток времени не осознавала, что такая тишина на ее этаже вовсе не признак добропорядочности и тихости соседей. Таких сказочных собственников или арендаторов жилья просто не существует в природе. Это архаизм.

Тишина на этаже – признак печальной пустоты квартир. Их четырехстенного одиночества. Там никто не живет, а в дальней трехкомнатной даже не сделан ремонт – до сих пор белые бетонные стены и пол, проводки из потолка. На одной из стен строитель-идиот написал матерное слово. Типичная черновая отделка, ждущая пестрых обоев, скромного ламината и бежевого кафеля в ванной. К скрюченным проводкам должны подцепить красивые светильники.

Седьмой этаж – поистине счастливый. Счастливое число. Счастливая Арина в окружении пустых квартир (та трехкомнатная, кстати, даже не закрыта – красть там при всем желании нечего).

Седьмой этаж был таким до сегодняшнего момента. И даже это счастливое число не помогло Арине спастись.

Арину тоже раздражает странный гул, который раздается буквально над ее головой и мешает спокойно наслаждаться очередным вечером. Да-да, спокойствию и тишине пришел конец ровно в одиннадцать часов. Что характерно, пока о проклятом гуле не написали в чате, Арина даже не слышала его. Не замечала.

Но только Антон 8-910-345-** (интересно, кто это такой и из какой квартиры? вдруг он одинок? тоже одинок, как и она? вдруг ищет свою спутницу жизни? вдруг Антон уже живет в двухкомнатной квартире, которая так и ждет, когда ее согреет любовь молодой жены хозяина?) написал про гул между восьмым и девятым этажами, Арина мгновенно услышала неприятную вибрацию сверху.

Судя по всему, таинственный Антон живет на восьмом этаже. Или на девятом. То есть совсем рядом. И, самое обнадеживающее и удобное, может быть прямо в ее подъезде.

Вибрация, кажется, стала сильнее. Кажется... Может ей все-таки показалось? Нет, и правда сильнее. Раньше она видимо не слышала ее из-за работающего телевизора – все то же раскрепасное вечернее юмористическое шоу, но сейчас даже смех зрителей в студии, и голосистый гость (вроде бы актер из какого-то нового модного сериала, но это не точно), и хохочущий над собственными шутками ведущий, не смогли перекрыть нарастающий и весьма неприятный гул.

Действительно, что это такое? И почему же оно гудит все сильнее и сильнее? Это вряд ли кондиционер и уж тем более вентилятор. Эх, будь здесь Антон с предполагаемого восьмого этажа, он бы все решил.

Все-таки нужен рядом человек. Каждому.

Не зря мама говорит – *мужика тебе надо*. Пошло и банально, но как иногда верно.

Особенно сейчас.

Особенно, когда вибрация странного гула стала еще сильнее и начала раздражать Арину.

Надо бы найти неизвестного Антона и попросить помощи. Чем не повод познакомиться. Лишь бы у него не было жены... Или какой-нибудь там девушки в зыбком статусе невесты...

Вы знаете, я ваша соседка. Меня зовут Арина. Мне просто не к кому обратиться было...

Тут следует томно хлопнуть глазками и сделать испуганное лицо.

Арина, выключая надоевший телевизор, еще не знает, что Антон станет второй жертвой странного гула и последующей цепочки странных и трагичных событий. И когда она беззаботно начнет предаваться мечтам о их гипотетическом знакомстве, он будет умирать.

Но расскажем обо все по порядку.

Что там Эрик?

А нет, давайте сначала к охране.

23:20

Охранник, который на самом деле был просто консьержем

Охранник, который действительно таковым не являлся, и был всего лишь консьержем, но отнюдь не против, что жильцы считают его именно надежной охраной, не имеет доступа в чат и не подозревает о том, что в этот поздний час так сильно взволновало жильцов.

Он смотрит телевизор – на этот раз не юмористическую программу, а очередную серию боевика с бандитскими разборками на третьем канале, и периодически поглядывает в мониторы, отображающие изображения с камер видеонаблюдения.

Все под контролем.

Тишина.

И звуки автоматной очереди с телеэкрана.

И вдруг телефонный звонок.

Он почти не сомневается, что это кто-то из жильцов дома. Что-то опять не так. То лампа не горит, то ворота надо открыть тому, кто приехал в гости в поздний час, или еще какая-нибудь глупость.

– Слушаю.

Да, жильцы. Мужской голос. Знакомый. Вроде из 59-й квартиры.

– Вы не знаете, что за странный гул в доме?

– Гул? Первый раз слышу.

– Вам никто еще разве не звонил?

– Нет, вы первый.

Звонивший мужчина удивляется.

– Мы сейчас в чате жильцов это обсуждали.

Охранник-консьерж устало поясняет, что не имеет доступа (*к счастью*) в чат и понятия не имеет, о чем речь. С телеэкрана вновь автоматная очередь. Бандитов берет в окружение спецназ на каком-то заброшенном заводе. Классика жанра.

– Мы там это с председателем обсуждали.

Обсуждаемое «это» видимо и было загадочным гулом. Председателя упоминают явно специально, мол, твой начальник тоже в курсе, а ты сидишь и в ус не дуешь.

– Мне председатель пока не звонил.

Знали бы вы, как вы достали со своими глупостями председателя...

– Вы не знаете, не ставили кому-то кондиционер? Или еще что-нибудь?

– Нет, я не в курсе. Во всяком случае, в мою смену не ставили.

Честно говоря, он вообще не помнит, что ставили, а что не ставили. На его большое счастье, жильцы о своих покупках и прочем охранника не извещают. Хотя нет, он помнит монструозное пианино, которое затаскивали в первый подъезд трое матерящихся грузчиков. Пианино приобреталось для юного дарования, которое теперь после обеда должно было неизменно греметь клавишами, разучивая гаммы и готовясь в будущем исполнять на высшем уровне сонаты Бетховена. Соседям дарования оставалось лишь посочувствовать.

Мужчина из предположительной 59-й квартиры сокрушенно вздыхает и отключается.

Охранник сосредотачивается на финальном эпизоде боевика. Из бандитов в живых остался только один, и он сейчас отчаянно отстреливается от спецназа. Остается десять минут до конца. В половине двенадцатого ночи на канале уже выйдут ночные новости.

А далее наступит новый день.

Да, день то наступит. А вот ночь уже не закончится.

Телефон звонит снова. Главного бандита убивают наповал (и как только можно было догадаться о таком нетривиальном финале?!). На этом фильм можно и закончить.

– Алло.

Но связь внезапно обрывается и в трубке тишина.

Охранник пожимает плечами и кладет трубку на рычаг. Возможно, кто-то сейчас перезвонит. Скорей всего опять насчет этого гула. Интересно, где это действительно гудит? Он вроде начинает слышать какую-то вибрацию, но из-за звуков телевизора не может понять в доме ли это, или где-то на улице. Звук убирать не хочется, все же фильм пока еще не кончился.

На телефон никто не перезванивает.

Хорошо.

Но нет, охранника что-то беспокоит.

Он снимает трубку, чтобы проверить, так, на всякий случай, и понимает, что в трубке тишина.

Гудков нет. И связи нет.

Он несколько раз кладет трубку на рычаг и снова снимает, чтобы послушать, но гудка нет.

А потом неожиданно выключается телевизор, и охранник остается один на один с камерами видеонаблюдения. Впрочем, там сейчас будет кино гораздо интереснее, чем только что закончившееся на третьем канале.

И вот теперь к Эрику.

23.27

Эрик

Эрик, посидев десять минут в машине, слушая музыку на джазовой радиостанции, и едва не заснув под убаюкивающие звуки саксофона и приятного окутывающего тепла из печки, все-таки выходит из машины, щелкает звонкой сигнализацией и идет в свой подъезд. Недалеко от его места уже хаотично припаркованы машины тех, кто не успел занять свободные места, как повезло почти полчаса ему самому. В подъезде пахнет женскими духами, очень вкусными и какими-то до жути знакомыми Эрику, словно здесь только что была одна из его немногочисленных подруг или многочисленных возлюбленных в жизни, та, что пользовалась когда-то этим ароматом. Запах словно возвращает его на пять или даже десять лет назад, как раз в период последнего университетского семестра. Эта сахарная парфюмерия пробуждает воспоминания, и Эрик поначалу даже забывает вызвать лифт. Сейчас он короткими кадрами вспоминает учебу, походы в душный кинозал на втором этаже возле набережной со своей девушкой. Вроде бы ее звали Ириной, и именно в нее он был страстно влюблен в тот год. Память подбрасывает кадры с еженедельными родительскими ужинами по выходным – улыбающаяся мама, только что испекшая очередной воздушный кекс, серьезный отец, деловито отвинчивающий пробку у очередной бутылки вина (нет, он не алкоголик, но все-таки большой любитель вина и коньяка), громко говорящий телевизор, показывающий бесконечный и надоедливый скетч, и ретро музыка по радио из кухни.

Эрик вздыхает, поток кадров в его сознании прекращается, и перед собой он снова видит металлические двери неприветливого лифта, пустующий холл первого этажа с одинокой камерой видеонаблюдения (через которую его пока еще не замечает охранник-консьерж) и печальный аромат духов, постепенно исчезающий в пространстве подъезда.

Эрик наконец вызывает лифт.

Где-то сверху раздается дребезжание – непослушный лифт не может и не умеет ходить в этом подъезде тихо, и сейчас медленно, издеваясь, спускается откуда-то сверху. На табло вверху почему-то не горят цифры, показывающие этаж текущего пребывания лифта, и понять, как скоро придет кабина трудно. Эрик зевает и прислоняется к стене. Кажется, он очень устал и сейчас ему уже не до юмористической передачи. Он сразу ляжет спать. Кофе отменяется тоже.

Лифт гроыхает кабиной, и двери с дребезжанием разъезжаются в сторону. В таком лифте точно будешь бояться застрять. Но Эрику все равно – он входит в узкое пространство, нажимает кнопку тринадцатого этажа, и снова закрывает глаза.

Спать хочется... Сильно-сильно.

Когда он открывает глаза снова – лифт по-прежнему на первом этаже и по-прежнему держит двери открытым. Бездушная машина вроде даже намекает ему – *выходи*, а то будет слишком поздно. Эрик опять жмет кнопку своего этажа, но не получает никакой реакции.

Кабина замерла.

Все вокруг опять намекает – **ВЫХОДИ ЖЕ**. Не надо ехать сейчас здесь, в этом лифте к себе наверх. Лучше поднимись по лестнице. Да высоко, да долго, да придется останавливаться, чтобы отдышаться. Но на лестнице у тебя будет ощущение свободы, и ты уж точно сможешь добраться до своей квартиры. Не факт, что это спасет тебе жизнь, учитывая происходящее,

но продлит на какое-то зыбкое время точно. И потом, одно дело умереть в своей собственной квартире, и совсем другое – в холодном сером металлическом лифте.

Эрик не слышит намеков, хотя чувствует неприятное предчувствие, холодом разливающегося у него по спине. Он все равно жмет кнопку.

Лифт крикает – двери наконец закрываются.

Выбор сделан.

Точно надо было выйти, сейчас обязательно застряну, раздраженно думает Эрик. Как всегда хорошая мысль приходит слишком поздно.

Но лифт на удивление не застревает, и благополучно доставляет Эрика до тринадцатого этажа. Правда, там кабина не останавливается и спокойно едет дальше. На табло отсчетом мелькают цифры – 13, 14, 15, 16, 17. Эрик поначалу думает, что лифт точно испортился – никакого пятнадцатого и тем более семнадцатого этажа в доме нет. Это запредельная фантастика.

Наконец лифт дергается и замирает. Двери остаются закрытыми.

После остановки механизма приходит тишина. Эрик чувствует, как громко звенит в ушах.

А потом сквозь звон он слышит гул. Мужчина не понимает точно, где гудит, не знает, что именно может издавать такой звук, очень странный и непривычный, чересчур какой-то *неземной*, но осознает одно – этот гул жутко неприятный и раздражающий. Дольше минуты его *спокойно* слушать нельзя. Лучше слушать собственный звон в ушах, чем это....

Эрик жмет на разные кнопки, но кабина не реагирует. Гул вроде бы нарастает, потом затихает, затем вновь становится громче.

Над головой мигает своим объективом камера. Охранник-консьерж, смотри он туда, возможно уже заметил бы, что Эрик находится в лифте слишком долго. Непомерно долго. Эрик, напротив, ощущает, что за ним наблюдают в камеру и немного успокаивается. Наблюдение вещь жутко раздражающая, будь то очное – суровым начальником или случайным соглядатаем, по своей натуре любящими смотреть за чужими, или будь то посредством камер. Но именно сейчас оно спасительно. Пленник понимает, что он не один в этих стальных тисках. Он, к счастью, не догадывается, что за ним наблюдает уже не охранник, который пытается разобраться с телефоном, отказывающимся издавать гудки и совершать вызовы, а кто-то другой. Или *некто* другое. Впрочем, сейчас это совсем неважно.

Эрик с ужасом понимает, что лифт точно никуда не поедет, он безнадежно застрял здесь. И все потому, что, дурак, не послушал свое предчувствие, не распознал намеки, когда лифт практически любезно предлагал выйти, долго держа двери распахнутыми. А теперь он заперти. И, в лучшем случае, час или два просидит до прихода неторопливых ремонтников.

Он готовится нажать кнопку вызова диспетчера, как вдруг лифт дергается, отчего Эрик испуганно подпрыгивает от неожиданности, а затем его желудок буквально подскакивает к горлу. Все из-за того, что лифт неконтролируемо летит в четырнадцатизэтажную пропасть шахты. Летит быстро, и Эрик даже не успевает понять произошедшее, прежде чем вместе с кабиной разбивается где-то между подвалом и первым этажом, поднимая на весь дом невыносимый грохот, который слышен даже сквозь нарастающий неизвестный гул.

Именно в этот момент охранник, не справившись с навечно замолчавшим телефоном, наконец переводит взгляд на мониторы с камерами видеонаблюдения и видит черное окошко, вместо картинки с одного из лифтов.

Веселье начинается.

23.36

Чат жильцов дома

@ Антон 8-910-345-****

Я, конечно, понимаю, что все уже спят, или хотя бы ложатся, но мы-то спать не можем! Звук невыносимый просто! Сделайте что-нибудь!

*@ Зая 8-905-803*****

Для таких целей у нас есть председатель вообще-то.

*@Арман 8-985-632-*****

Блин, его уже на первом этаже в первом подъезде слышно!

*@Ворон24 8-912-346-*****

Мне одному показалось, что звук стал громче?

*@ Зая 8-905-803*****

Нет, не вам одному. Звук и правда стал громче. И сильно громче! Лично мне он уже действует на нервы. Ау, есть у нас председатель вообще?

*@Председатель 8-912-041-****

Председатель есть. Я сейчас начал обходить соседей с этажей, где предположительно гудит какой-то прибор.

*@Инкогнито 8-900-*****

Ох, я сильно сомневаюсь, что это прибор. Сильно сомневаюсь.

*@Екатерина 8-922-601-*****

Да хоть что это! Лишь бы выключили.

*@Председатель 8-912-041-****

Скорей всего это кондиционер. Я скажу, как только удастся что-либо выяснить.

Председатель не сразу замечает несколько странных вещей, возникших в чате. В данной ситуации такая небольшая невнимательность практически простительна, но тем не менее...

Председатель не сразу обращает внимание на пользователя под ником Инкогнито.

Председатель не сразу понимает, что не приглашал такого пользователя в чат.

И председатель, да в который раз простим его невнимательность, не обращает внимания на непомерно короткий мобильный номер пользователя.

23.42.

Вторая жертва

Антон, который заочно так понравился скучающей девушке Арине, действительно был хорош собой. У него были две очень важные черты, позволявшие сделать природную привлекательность практически неотразимой. Он не был чересчур смазливый, как отретушированная картинка на обложке модного журнала, заставляющая вызывать исключительно восхищения и белую зависть у несправедливо обделенных природной красотой, но при этом обладал хорошим спортивным телосложением, приятными и одновременно мужественными чертами лица. Plusом небольшое, но важное и приятное дополнение в виде внимательного взгляда строгих синих глаз. Черта первая.

Черта вторая.

Антон был удивительно умным и ожидаемо рассудительным человеком.

Арине такой кандидат однозначно бы понравился. Правда, именно таким она не успеет его увидеть. А ведь вполне могла получиться очень красивая пара.

Но не получилась.

Очень жаль.

К тому же, у Антона все-таки существовал один маленький, но весьма значительный недостаток.

Недостатку было одиннадцать лет, он являлся существом женского пола, нареченный своей исчезнувшей матерью Юленькой. Сейчас недостаток сидел в своей комнате, окна которой выходили на лесопарк, смотрел на практически незаметные звезды уральского неба, и слушал очередной громкий хит с одного из стриминговых сервисов, от которого у всех нормальных людей по закону жанра должны были уши в трубочки заворачиваться. Однако Юленьке такая музыка нравилась. Она жила вместе с отцом, в большой трехкомнатной квартире с двумя лоджиями (вид на восхитительный лес и вид на город с несчастной пятиэтажкой поблизости с исходящими завистью людьми), двумя сануздами и издевательски узкими коридором и прихожей. Мать Юленьки, по совместительству возлюбленная Антона, ни в коем случае не жена, исчезла в неизвестном направлении аккуратно после рождения ребенка. Злые языки утверждали, что она без вести пропала одним вечером после встречи с подругами. Другие утверждали, что мадам скрылась из страны в неизвестном направлении, став жертвой преследования правоохранителей из-за крупной финансовой махинации по месту своей успешной работы.

О да, когда-то давненько рассудительность и ум разом отказали Антону. Впрочем, все это можно списать на большое и чистое чувство, которое пленило молодых своей силой, страстью и запретной красотой.

Несмотря ни на что, Антон души не чаял в своей дочери, старался заменить ей исчезнувшую мать и всячески потакал капризам и легким глупостям. Юленька была абсолютно мирным ребенком. Несмотря на то, что часть своей роскошной шелковистой челки она красила сразу в три разных цвета, ни один их которых не мог из-за своих чересчур фантастических по яркости оттенков поддаваться связному описанию; несмотря на то, что Юленька слушала очень специфическую для нежного уха взрослых музыку в своем айпоне, и также несмотря на приближающийся переходный возраст с его нескончаемыми скандалами, обидами и постоянным утверждением своего «я» в этой скоротечной жизни, девочка была исключительно домашним и тихим ребенком. Даже подозрительно тихим. У нее было два больших мира. Мир школы – заурядный, скучный, с бесконечно дрящимся уроками, хмурыми учителями естественных наук и открыто веселыми учителями по мировой культуре, музыке и рисованию с черчением, в мире, где также существовала квелая учительница по литературе и русскому, казалось, засыпающая от изложения темы по «Слово о полку Игореве», был болезненно активный физкультурник с громоподобным голосом и смехом, от которого тряслись стекла в продуваемых ветром окнах, и озлобленная на все и вся завуч, брезгливо поправляющая свои очки за уголок душки кончиками пальцев, словно опасаясь лишний раз притрагиваться к золотистой оправе. Был и мир ее дома – большая квартира, красивый вид из окна, уютная комната, которую по-прежнему звали детской, и любимый папа, приходящий поздно вечером, пахнувший дорогим парфюмом и серьезной работой.

Юленька была романтиком.

Юленька любила смотреть на звезды и ночной город.

Юленьке было плевать на маму, которая ее бросила – ребенок в свои годы сомневался в детективной версии «ушла вечером и не вернулась – ищет полиция, ищут пожарные, ищут спасатели». Девочка, наоборот, свято верила в то, что мама жива, здорова, и даже не вспоминает о дочурке. Было ли это правдой, вряд ли теперь она когда-нибудь узнает.

И еще Юленька бесконечно любила своего отца.

Что могло быть страшнее для такого ребенка?

Однажды узнать, что папы больше нет. И на какое-то мгновение смириться с пугающе страшной мыслью, что она осталась совсем одна.

На ее счастье, смириться она не успеет.

– Я пойду проверю, где гудит этот странный прибор, – говорит ее папа, когда Юленька пьет какао на кухне. Какао сварено ей самой – папа Антон постепенно обучает дочку премудростям кулинарии и таит в себе надежду, что если не пропащая невеста, то хотя бы любимая дочь будет готовить ему борщи и жарить мясо в финской духовке.

Мечты, мечты...

– Хорошо.

Юленька тоже слышит этот гул, и он ее начинает раздражать. Гудит все сильнее и сильнее, внезапно появившаяся дисгармония становится просто невыносимой.

Папа мужественный. Папа сильный. Он идет проверять. Он собирается решить эту проблему, в то время как остальные бездельники-соседи продолжают строчить сообщения в чате, возмущаясь, сокрушаясь и жалуясь на нелегкую жизнь в новостройке. Но то, что собирается сделать Антон, проблему никоим образом не решит.

Эту проблему вообще сложно решить. Ее попросту невозможно даже понять.

Но он-то об этом не знает, и потому накидывает куртку (все-таки в подъезде прохладно) и выходит из квартиры.

Первое, что он понимает – гул в подъезде гораздо сильнее, чем в квартире. И такое чувство, что от этого шума начинают вибрировать стены.

Второе, что уже довольно поздно понимает мужественный папа Антон – в подъезде ему становится не по себе. На него волнами накатывает страх, потом усталость, и в голове успевает пронестись мысль, что *пора бы вернуться домой*.

В этот момент гул звучит еще сильнее, и от этих вибраций в голове словно разрываются все сосуды. Когда Антон понимает, что в голове на самом деле все разрывается, он уже падает на плиточный пол, поражаясь тому, насколько, оказывается, не больно падать в обморок.

Печаль заключается в том, что Антон падает не всего лишь в обморок, а умирает.

И гул медленно стихает, сделав еще одно черное дело.

Где-то девушка Арина копирует номер Антона, сохраняет в свои контакты, снова открывает мессенджер, находит в поиске его профиль, восхищается фотографией (*мама, он такой красивый!*) и готовится написать первое сообщение. Сообщение она успеет написать и даже отправить, вот только оно не успеет дойти до адресата. В доме сначала пропадает интернет, а затем и вся мобильная связь, словно на дом опустили купол, сквозь который не пробивается ни единый сигнал извне.

Девушка Арина пока ничего не понимает, а вот Юленька начинает понимать, что произошло что-то плохое и страшное. Есть все-таки некое шестое чувство у дочери, безмерно любящей единственного родного человека на планете.

Юленька выходит в подъезде, зовет отца, но в ответ тишина.

О чудо, гул стих!

Надолго ли?

Юленька выходит из коридора, где располагаются три квартиры, и выходит в просторный холл к лифтам, где посередине на холодном и идеально чистом полу лежит бездыханное тело отца.

Девочка сначала ничего не понимает, а потом начинает кричать. И в этот момент детство девочки заканчивается, и она на небольшое время жизни становится взрослой Юлей.

23.50

Студия, сошедшая с ума, или жертва №3

Жертва номер три пока ничего не подозревает о происходящем в доме. Жертва живет в другом подъезде, и, прочти она сообщения о странном гуле, они стали бы для нее очередной летописью тревог вечно всем недовольных соседей в чате.

Соседи вообще странная категория людей.

С соседями может повезти, и из такой случайной общности получится сколотить нечто наподобие хорошей компании, с которой удобно коротать вечера и праздники. А может и не повезти. Как не повезло жертве номер три.

Ее соседи – бабушка лет семидесяти, подозрительно активная, изумительно безвкусная в плане одежды, и отвратительно громкая, когда здоровается по утрам, отчего слегка дребезжат барабанные перепонки. Возможно, она глуховата. Другие соседи, обитатели роскошной трехкомнатной квартиры (наподобие Антона и Юленьки, но только у тех нет импровизированных нелепых колонн в прихожей с кичливыми мраморными плинтусами), чрезвычайно замкнуты и поздороваться с соседями для них тяжкий и унижительный труд. Гораздо лучше, если соседи поздороваются первыми, еще лучше кивнут головой в знак уважения и с трепетом, покорно, будут дожидаться ответного приветствия, которое лишь выльется в утвердительное моргание глаз и легкое бурчание «здрасьте» под нос. К таким соседям даже не захочется позвонить, если вдруг что случится. В лучшем случае, они попросту не откроют дверь, вяло глянув в глазок на пришедшего соседа.

Единственный вариант, с которым у жертвы номер три могла получиться усеченная компания – одиночка из соседней квартиры. Одиночку зовут Максимом, он в меру глуповат, в меру небрежен, слушает по утрам в выходные идиотскую музыку нулевых годов, девчачью и несуразную. Поэтому вариант коллаборации с ним тоже постепенно отпал. Скорей всего, одиночка даже не пьет пиво, а на водку с коньяком и вовсе взирает с потаенным ужасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.